Корнилович О. Е. Записки Екатерины II: Внешний анализ текста. Томск, 1912. С. 34–74.
Мадарьяга И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
Сафонов М. М. Завещание Екатерины II. СПб., 2002.
Сафонов М. М. «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 72–87.
Сафонов М. М. Молодая Екатерина в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 113–128.
Сафонов М. М. Презентация образа Петра III на страницах «Записок Екатерины II» // Немцы в Санкт-Петербурге. (XVIII–XX века). СПб., 2015. С. 33–76.
Сафонов М. М. Сексуальные откровения Екатерины II и происхождение Павла I // Reflections on Russia in the Eighteenth Century / Edited by J. Klein, S. Dixon and M. Fraanje. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2001. P. 96–111.
Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Т. XII. СПб., 1907.
Сборник Русского исторического общества. Т. X. СПб., 1872.

М. М. Сафонов. Презентация образа великой княгини Екатерины Алексеевны в первой редакции «Записок» императрицы Екатерины II

В статье предпринята попытка воссоздать образ главной героини первой редакции мемуаров Екатерины II и проанализировать приемы, с помощью которых мемуаристка его конструировала. Текст этой редакции может быть правильно понят только при учете того, в каких политических обстоятельствах и с какими целями он создавался императрицей. Екатерина II работала над ним в первой половине 1770-х гг., в атмосфере приближавшегося совершеннолетия наследника Павла Петровича, когда борьба сторонников цесаревича с императрицей достигла апогея и на повестке дня стоял вопрос о соправительстве матери и ее сына. Мемуаристка создала образ непосредственной девушки-подростка. Ее второе Я — светская жизнь, полная развлечений. Это политически совершенно девственное создание. Такой образ мемуаристки исключает любое предположение о том, что она могла стремиться к власти и прокладывать дорогу к трону путем тайных заговоров. Корону ей предназначило самое Провидение.
Ключевые слова: великая княгиня, императрица Екатерина Алексеевна, императрица Елизавета Петровна, великий князь Петр Федорович, двор, мемуары.

M. M. Safonov. Presentation of the image of the Grand Duchess Ekatherine Alekseevna in the first edition of "Notes" by Empress Catherine II

The author of the article made an attempt to recreate the image of the main character of the first edition of memoirs by Catherine II and to analyze the techniques by which the memoirist designed it. The text of this edition can be correctly understood only taking into account the political circumstances and the purposes for which it was created by the Empress. Catherine II worked on it in the first half of the 1770s in the atmosphere of approaching adulthood her heir Pavel Petrovich, when the struggle of supporters of the crown Prince with the Empress reached its climax and the agenda was the question of the co-government of the mother and her adult son. So the very creation of the Empress's memoirs should be considered in the context of this confrontation. Memoirist created the image quite spontaneous teenage girl, moving like mercury. This pure and chaste creature is almost a child. Her other Self is a social life full of fun. With such interests it is not about politics. It's a politically completely virgin creature. This image of the memoirist excludes any assumption that she could aspire to power and pave the way to the throne by secret conspiracies. The crown was intended to her by Providence without any participation on her part.
Key words: Grand Duchess, Empress Ekaterina Alekseevna, Empress Elizabeth, Grand Duke Peter Fedorovich, court, memoirs, first edition of memoirs.

Сафонов, Михаил Михайлович — к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
Safonov, Mikhail Mikhail — PhD, senior researcher of the St Petersburg Institute of history of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: m.safonov@list.ru

УДК 821.161.1
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00073

Г. М. Седова

Последний день жизни Пушкина в свидетельствах современников

События 27 января 1837 г., происходившие накануне выхода Пушкина на поединок, отражены в документальных источниках (условия дуэли, составленные секундантами; протоколы Военно-судной комиссии) и нарративных материалах (письмах В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, князя П. А. Вяземского, письмах К. К. Данзаса и его мемуарах, записанных в 1860-х гг. поэтом А. Н. Аммосовым). Неполнота и разноречивость названных источников определили существование нескольких вариантов исследовательских реконструкций последнего дня жизни поэта. При этом историографическая традиция отдает предпочтение так называемым конспективным заметкам В. А. Жуковского (далее — КЗ), составленным вскоре после смерти Пушкина. П. Е. Щеголев, автор фундаментального труда о дуэли и смерти Пушкина, утверждал, что КЗ легли в основу его «рассказа о дне дуэли»[1]. Документом «первостепенной важности»[2] считали КЗ и другие исследователи, изучавшие преддуэльные события (КЗ были начаты в ноябре 1836 г., когда разразилась первая дуэльная история Пушкина с д'Антесом[3], и завершены после смерти поэта).

Следует учитывать, что Жуковский не всегда выступал очевидцем происходящего и его записи чаще всего велись с чужих слов. Это относится ко дню 27 января: о поединке на Черной речке он узнал поздно вечером, когда явился в дом раненого Пушкина и получил информацию о случившемся от лиц из ближнего окружения поэта и прислуги. В этой связи трудно признать

убедительным мнение Я. Л. Левкович о том, что в КЗ «события дня дуэли записаны <...> со скрупулезной точностью»[4].

Показания и письма обоих секундантов, приобщенные к следственному делу, а также пометы виконта О. д'Аршиака на листе с условиями дуэли и записках, отправленных к Пушкину и полученных от него, позволяют установить надежные ориентиры, уточняющие существующую в литературе картину дня и дающие основания пересмотреть хронологию событий, отраженную в КЗ и принимаемую исследователями без должной критики. Задача данной работы — критически проанализировать названные нарративные и документальные материалы о последнем дне жизни Пушкина и предложить новую хронологию событий.

Самые первые, хотя и краткие записи о том, что происходило с Пушкиным 27 января, были сделаны А. И. Тургеневым, который рассказывал о случившемся в письмах от 29–31 января, адресованных близким[5]. Как и Жуковский, Тургенев вел свой рассказ с чужих слов и не всегда понимал, о чем шла речь. Несколько дней спустя секундант Пушкина К. К. Данзас уточнил детали некоторых событий в показаниях, данных Военно-судной комиссии[6]. Его более пространный рассказ об обстоятельствах, предшествующих поединку, записал и в 1863 г. опубликовал его сослуживец поэт А. Н. Аммосов. Сведения о дне дуэли находим также в письме виконта д'Аршиака князю П. А. Вяземскому от 1 февраля 1837 г., приобщенном к делу о дуэли и смерти Пушкина[7]. Несмотря на подробное описание событий, свидетелем которых он оказался, Данзас не ставил целью расписать по часам последний день жизни Пушкина. В этой связи при реконструкции хроники 27 января исследователи дополняют рассказ Данзаса данными других источников. При этом, как отмечалось выше, особое значение они придают КЗ, хотя Жуковский рассматривал их как черновую запись и при составлении письма к С. Л. Пушкину о смерти его сына (15 февраля 1837 г.) в ряде случаев опирался не на них, а на новые данные, полученные в ходе бесед с очевидцами.

В КЗ читаем: «Встал весело в 8 часов. — После чаю много писал — часу до 11-го. С 11 обед — Ходил по комнате необыкнов[енно] весело, пел песни. — Потом увидел в окно Данзаса, в дверях вст[ретил] радостно. Взошли в кабинет, запер дверь. — Через неск[олько] минут посл[ал] за пистолетами. — По отъезде Данзаса начал одеваться; вымылся весь, всё чистое; велел подать бекешь; вышел на лестницу. — Возвратился, — <принес>[8] велел подать в кабинет большу[ю] шубу и <поехал> пошел пешком до извощика. — Это было ровно в 1 ч[ас]»[9].

Обращает на себя внимание наличие в тексте выражений из лексикона лакеев: «велел» (повторено дважды), «послал», «взошли», как и подробное описание бытовых подробностей: переодевание, мытье — в противоположность лаконичному свидетельству об утренних занятиях поэта: «после чаю много писал». Логично предположить, что эти подробности записаны со слов камердинера или иной прислуги, как и дальнейший рассказ в КЗ о возвращении Пушкина домой:

«Барыня дома?» (так спрашивают лакеев) с новыми деталями личного характера: «горшок», «раздели», «белье сам велел»[10]. Рассказчик или рассказчики могли слышать из-за дверей кабинета, как барин «ходил по комнате необыкновенно весело», «пел песни», не вникая в суть происходящего. Заметив, что Пушкин встретил Данзаса «радостно», рассказчик не мог знать, о чем говорили за запертой дверью кабинета. При определении времени, когда Пушкин завершил свои занятия, рассказчик выразился неуверенно: «часу до одиннадцатого». Вместе с тем он твердо помнил то, что положено знать прислуге: во сколько барин проснулся, что ровно в час он вышел из дома, не уточнив, был ли это первый и единственный выход Пушкина в тот день или нет. Если рассказчик был кем-то из прислуги, ему сложно было отследить происходящее: по поручению господ он мог заниматься хозяйственными делами и даже отлучаться из дома.

Примечательно, что КЗ — единственный документ, в котором зафиксирован приход Данзаса в дом Пушкина 27 января. Возможно, это объясняется тем, что на момент составления КЗ друзья Пушкина еще не договорились о том, что, выгораживая Данзаса, они будут сообщать о его случайной встрече с Пушкиным: по одним сведениям, — на Пантелеймоновской улице[11], по другим, — «на Цепном мосту, что близ Летнего сада»[12], что почти одно и то же, либо просто на улице[13]. Утверждение, что Данзас не знал о поединке, должно было защитить и защитило его от наказания за недонесение[14].

При составлении КЗ Жуковский связал приход Данзаса с последующим выходом Пушкина на поединок. По его логике, Данзас явился к Пушкину немногим ранее часа дня, если именно в это время поэт вышел из дома, чтобы встретиться со своим секундантом в кондитерской Вольфа перед отъездом на Черную речку. Данзас вспоминал, что у Вольфа они сошлись около четырех часов, и это согласуется с данными о том, что примерно в половине пятого вечера противники стрелялись на Черной речке[15].

П. Е. Щеголев, обнаружив противоречие между КЗ, где обозначен приход Данзаса к Пушкину, и сведениями друзей об их случайной встрече на улице, предположил, что будущий секундант пришел в дом на Мойке «по зову Пушкина»[16], или же поэт «вспомнил о Данзасе и послал за ним»[17]. Исследователь писал: «Мы не верим принятой и распространенной версии о нечаянной встрече Пушкина с Данзасом на улице утром 27 января и всецело принимаем сообщение Жуковского, что Пушкин встретил радостно Данзаса у себя в доме около 12 часов»[18]. Того же мнения (о вызове Пушкиным Данзаса в день поединка) придерживались итальянская исследовательница С. Витале и Р. Г. Скрынников[19].

С. Л. Абрамович и составители «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина», изданной под научной редакцией Я. Л. Левкович, также исходили из соображения, что поэт решил обратиться к Данзасу в день поединка[20], но отправился за ним сам. Абрамович считала, что около 11 утра, получив вторую записку от секунданта своего противника виконта О. д'Аршиака (подробнее об этой записке — ниже), Пушкин отправился на поиски Данзаса.

Исследовательница предположила, что именно в это время, выходя из ворот дома княгини Волконской, Пушкин встретился со своим молодым соседом кавалергардом Н. Ф. Лубяновским[21]. Свидетельство последнего записано П. И. Бартеневым много лет спустя[22], но встреча с Пушкиным накануне его смертельного поединка, вероятно, крепко врезалась в память рассказчика. Он мог вспоминать об этом неоднократно как в обществе, так и в полку, где служил вместе с д'Антесом.

По мнению С. Л. Абрамович, которое она никак не обосновала, Пушкин застал Данзаса дома, изложил ему свое дело, затем повез во французское посольство на Миллионную. Таким образом, исследовательница, в отличие от П. Е. Щеголева, С. Витале и Р. Г. Скрынникова, не стала доверять свидетельству Жуковского о выходе Пушкина из дома в час дня, считая, что в это время (во втором часу) Данзас принес ему условия дуэли, составленные на квартире д'Аршиака, и только после этого поэт вышел и направился в сторону кондитерской Вольфа. То есть в реконструкции исследовательницы Пушкин выходил из дома дважды: около 11 утра и после часа дня.

П. Е. Щеголев, доверяя КЗ, отнес ко времени после часа дня поездку на Миллионную. Якобы перед тем Пушкин вызвал Данзаса к себе, поговорил с ним, отослал за пистолетами, сам же вымылся, переоделся и отправился на встречу с секундантом в «условленном месте» (где именно, исследователь не уточнил). Там он посадил Данзаса «в свои сани и повез во французское посольство к д'Аршиаку»[23], куда они прибыли после часа дня.

Развивая гипотезу П. Е. Щеголева, С. Витале предположила, что Пушкин вызвал Данзаса к себе «после чаю», и тот приехал около одиннадцати часов, когда поэт «завтракал вместе с Натали»: Пушкин послал его за пистолетами, и они договорились встретиться через час. Затем Пушкин, вымывшись и переодевшись, отправился на Невский проспект нанять сани: вначале он якобы поехал к Клементию Россету, но не застал его дома, после чего заехал за Данзасом, чтобы отвезти его к д'Аршиаку[24]. При этом представляется необъяснимой попытка Пушкина пригласить в секунданты Россета, тогда как Данзас уже принял на себя эту роль и был отправлен за пистолетами.

Р. Г. Скрынников посчитал, что Пушкин вызвал Данзаса, чтобы договориться с ним о встрече у Цепного моста. Будто бы «ради конспирации» они «вышли из дома порознь и встретились в условленном месте» у моста, откуда Пушкин повез приятеля «к себе на дачу»[25]. Там они переговорили о предстоящем поединке и вернулись в город на квартиру д'Аршиака. Введя в хронику мнимое посещение дачи, исследователь опирался на ошибочное упоминание этого факта в письме А. И. Тургенева от 28 января. По всей видимости, Тургенев услышал о поездке Пушкина и его секунданта к месту поединка в район Комендантской дачи, полагая, что речь шла о загородном доме поэта. Но собственной дачи у Пушкина никогда не было, а срок аренды дачи Ф. И. Доливо-Добровольского, которую он снимал летом 1836 г., истек в начале сентября.

Известно, что после переговоров на квартире д'Аршиака Пушкин оставил секундантов наедине для составления условий поединка, но исследователи спорят о том, где и когда Данзас передал ему эти условия. П. Е. Щеголев, С. Витале и Р. Г. Скрынников отнесли это событие к встрече в кондитерской Вольфа перед самой поездкой к месту поединка[26] около четырех часов дня. С. Л. Абрамович и составители «Летописи жизни Пушкина», доверяя свидетельству Данзаса[27], полагали, что он принес условия в дом на Мойке, и это было во втором часу пополудни.

В хронике П. Е. Щеголева не учтен визит к Пушкину библиографа Ф. Ф. Цветаева в «12-м часу утра»; об этом событии стало известно только в 1952 г., после публикации отрывка из письма И. П. Быстрова к С. Д. Полторацкому от 24 февраля 1848 г.[28] Я. Л. Левкович дважды упомянула об этом визите, комментируя запись А. Н. Аммосова со слов Данзаса[29], но не стала соотносить эти данные с КЗ. Вскользь упоминают этот визит и другие исследователи.

Еще одно событие, названное Жуковским в письме к С. Л. Пушкину, не находит точного места в хронике дня дуэли, поскольку не согласуется с указанием очевидца — время отправки Пушкиным посыльного к писательнице А. О. Ишимовой. Посыльный доставил пакет с томом сочинений английских драматургов и приложенным к нему письмом поэта, содержащим просьбу о переводе пяти пьес Б. Корнуолла (Barry Cornwall) для журнала «Современник». Жуковский считал, что это письмо Пушкин написал «за час как ему ехать стреляться»[30] (по логике КЗ — около полудня). Исходя из того, что в кондитерской Вольфа Пушкин появился в четыре, С. Л. Абрамович допустила, что посыльный к Ишимовой был отправлен около трех часов дня. Сама же писательница сообщила Жуковскому, что получила пакет «в третьем часу пополудни»[31]. Следовательно, он был отправлен около двух часов дня.

П. Е. Щеголев не уточнял время, когда Пушкин взялся за письмо Ишимовой, но уделил письму особое внимание, полагая, что поэт обратился к теме переводов для «Современника» «среди размышлений о дуэли», т.е. практически случайно: «Потому ли, что Пушкин вспомнил о письме и приглашении Ишимовой (накануне она пригласила его зайти к ней в этот день. — *Г. С.*), или потому, что попалась на глаза ее книга, но мысли об Ишимовой пришли ему в голову. Он разыскал книгу и зачитался. А затем он разыскал том Барри Корнуэля и отправил его к Ишимовой с письмом»[32], в котором содержалась просьба о переводе.

В действительности «мысли об Ишимовой пришли ему в голову» отнюдь не потому, что «на глаза попалась» ее книга: желая поручить ей переводы для своего журнала, Пушкин заходил к писательнице 22 января, но не застал ее дома и написал записку. В ответе Ишимова пригласила его к себе 27 января, и поэт отправил к ней посыльного с книгой, заготовленной заранее: еще 25 января он сообщил писательнице: «Буду иметь честь препроводить к Вам его (Б. Корнуолла. — *Г. С.*) книгу»[33].

Таким образом, реконструкция, предложенная П. Е. Щеголевым, принятая и развитая другими исследователями, содержит нестыковки, противоречия и существенные временны́е лакуны. Во-первых, сложно допустить, чтобы Данзас отправился в магазин за пистолетами, не получив разъяснений, зачем они потребовались. Предположение Щеголева (поддержанное С. Витале), что объяснение произошло в кабинете Пушкина, документального подтверждения не имеет. Данзас же свидетельствовал, что узнал о предстоящем поединке не на квартире поэта, а только во французском посольстве в присутствии виконта д'Аршиака. Во-вторых, сохранилась записка д'Аршиака, из которой следует, что он обещал дожидаться Пушкина у себя «до полудня», но Щеголев перенес встречу в посольстве на время после часа дня на том основании, что в КЗ час дня указан как время выхода Пушкина из дома, хотя не исключено, что он выходил не один раз. В-третьих, Щеголев и другие исследователи без какого-либо объяснения отнесли эпизод с переодеванием Пушкина перед самым поединком к событиям середины дня — тому времени, когда поэт с Данзасом еще не побывали у д'Аршиака. В-четвертых, мнение о доставке Данзасом условий дуэли в кондитерскую Вольфа противоречит его рассказу о том, что с этим «роковым документом» он отправился к Пушкину и «застал его дома одного»[34].

В реконструкциях П. Е. Щеголева, С. Витале и Р. Г. Скрынникова важнейшие события дня дуэли не соответствуют времени, на которое указывали очевидцы, а в расчетах С. Л. Абрамович и авторов «Летописи жизни Пушкина», следовавших за логикой КЗ, появились необъяснимо длинные, не заполненные никакими событиями отрезки времени. В результате, согласно реконструкции Абрамович и авторов «Летописи», Пушкин вернулся от д'Аршиака около часа дня, дождался Данзаса с условиями поединка, отправил его за пистолетами (примерно в два часа дня), но в кондитерскую явился только около четырех часов.

Основу предлагаемой далее реконструкции событий составляют прямые сведения источников с точным указанием времени. Согласно КЗ, с утра Пушкин много писал, и нам известна часть бумаг, написанных в тот день. Не исключено, что в то утро он скопировал свое январское письмо барону Геккерну[35]. Позже он передал эту копию Данзасу, зачитав ее вслух на квартире виконта д'Аршиака[36].

Тем же утром датирована переписка поэта с виконтом д'Аршиаком. В записке, помеченной девятью часами утра, виконт требовал незамедлительной встречи секундантов, обещая дожидаться прихода Пушкина «до полудня»[37]. Это важное указание должно быть учтено при реконструкции хроники, поскольку требование секунданта противника необходимо было выполнить, и Пушкин не мог явиться к д'Аршиаку после указанного времени. Однако в ответ поэт дерзко заявил, что Геккерн (д'Антес) может сам назначить ему секунданта — хотя бы из числа своих лакеев. В делах Военно-судной комиссии сохранилась копия этого ответа (в настоящее время хранится в ОР ИРЛИ),

на которой д'Аршиак сделал помету о получении: «между 9 ½ и 10 утра»[38]. Следовательно, замечание Жуковского «много писал — часу до 11-го» можно отнести и к этому документу.

Если бы противники приняли данное предложение Пушкина, появилась бы возможность отвести Данзаса от поединка, но д'Аршиак требовал, чтобы поэт сам назначил секунданта и во второй записке к Пушкину заявил, что промедление «будет сочтено за отказ в должном ему (д'Антесу. — *Г. С.*) удовлетворении», т.е. как попытка уклониться от дуэли[39]. Указание П. Е. Щеголева на то, что эта вторая записка от виконта «датирована "час дня пополудни"»[40], не находит подтверждения в документе, поскольку на нем нет никаких помет о времени отправления или доставки[41]. Логично предположение С. Л. Абрамович и составителей «Летописи жизни Пушкина», допустивших, что вторая записка виконта была написана около 11 утра — сразу по получении ответа от Пушкина, доставленного «между 9 ½ и 10 утра»[42].

Настойчивым требованием о свидании секундантов виконт вынудил Пушкина поторопиться, чтобы «до полудня» доставить к нему Данзаса. По мнению Абрамович, поэт вышел из дома «в одиннадцатом часу»[43] (или «около одиннадцати часов утра»[44]).

Как помним, П. Е. Щеголев, С. Витале и Р. Г. Скрынников считали, что Пушкин послал за Данзасом в день поединка, а С. Л. Абрамович предположила, что поэт отправился за ним сам. Между тем, следует учесть, что с момента отправки оскорбительного письма барону Геккерну Пушкин объявил своим врагам открытую войну и не имел намерения отступать. Следовательно, он не мог рисковать, рассчитывая, что бывший лицейский товарищ случайно окажется дома.

По нашему мнению, днем ранее, 26 января, когда д'Аршиак доставил ему вызов д'Антеса, Пушкин отыскал способ договориться с Данзасом о его участии в поединке. После этого разговора, уже во второй половине дня, поэт всячески уклонялся от встречи с виконтом, опасаясь, что свидание секундантов приведет к примирению с Геккернами, как это произошло при активном участии д'Аршиака в ноябре 1836 г. Поэтому он был так спокоен и даже весел в день поединка: план действий был разработан накануне, и он знал, что 27 января Данзас окажется в его полном распоряжении[45]. Как справедливо полагала С. Л. Абрамович, «по всей вероятности, Пушкин застал Данзаса дома» и «изложил ему свое дело»[46]. Только, на наш взгляд, их разговор состоялся не утром 27 января, а во вторник, 26-го.

Когда вечером 26 января поэт заявил д'Аршиаку, что не определился с секундантом и предложил ему переговорить об этом с англичанином Артуром Меджнисом, он намеренно вводил виконта в заблуждение. Используя ту же тактику, утром 27 января он сумел заполучить от виконта записки, из которых следовало, что Данзас замешан в дело случайно. Впоследствии эти записки были приняты Военной-судной комиссией как свидетельство неосведомленности Данзаса о поединке.

Логично думать, что, завершив 27 января утренние дела, Пушкин планировал заехать за Данзасом, чтобы доставить его к месту поединка. На это он намекнул в своей утренней записке к д'Аршиаку, заявляя, что тронется из дома «лишь для того, чтобы ехать на место»[47]. Но вторая записка виконта вынудила изменить первоначальный план и доставить Данзаса не к месту дуэли, а сначала в посольство (как просил д'Аршиак, «до полудня», крайний срок — в начале первого часа).

Составляя КЗ, Жуковский ничего не знал о названных событиях, происходивших «до полудня», полагая, что поэт не выходил из дома до часа дня, пока не пришел Данзас. Но еще до этого выхода — «в 12-м часу утра» — к Пушкину заходил и говорил с ним о новом издании его сочинений библиофил Ф. Ф. Цветаев[48]. Он запомнил, что Пушкин «был весел» и даже вступил с ним в продолжительный разговор. Нельзя исключить, что именно его, а не Данзаса, поэт встретил в дверях «радостно» и пригласил к себе в кабинет. Здесь важно подчеркнуть, что Данзас не мог появиться у Пушкина ранее половины третьего часа — времени, проставленного на листе с условиями поединка. Об этом часе известно по помете, которую виконт д'Аршиак проставил на своем экземпляре этого документа: "2 ½ de l'apres-midi"[49] (2 ½ часа пополудни). На экземпляре Данзаса, приобщенном к Военно-судному делу, время не проставлено. Впервые экземпляр условий, принадлежавший д'Аршиаку, опубликовал П. Е. Щеголев[50], но указанное на нем время исследователь не принял во внимание. Проигнорировали эту важную помету и все другие авторы, изучавшие историю пушкинского поединка. Между тем явиться в дом на Мойке ранее часа, указанного на листе с условиями, Данзас никак не мог. Учитывая расстояние от посольства до квартиры Пушкина, он должен был прийти ближе к трем часам дня (примерно в 2 ¾ часа).

Возвращаясь к визиту Ф. Ф. Цветаева, можно предположить, что в суете, наступившей в доме после поединка поэта, когда Жуковский расспрашивал обо всем прислугу и домашних, кто-то мог перепутать имя утреннего посетителя или неверно назвать время прихода Данзаса. В настоящее время сведения источников не позволяют настаивать на этом предположении. Закончив разговор с библиофилом, Пушкин вышел из дома (еще не переодевшись перед поединком), и в это время, как справедливо уточнила С. Л. Абрамович, встретился в воротах дома с Н. Ф. Лубяновским. Последний утверждал, что поэт, «бодрый и веселый» (то же состояние зафиксировано в записях Жуковского и в воспоминаниях Ф. Ф. Цветаева), направлялся к углу Невского проспекта — в сторону кондитерской Вольфа: «...вероятно, не дождавшись своего утреннего чаю, за поздним вставанием жены и невестки»[51]. Соглашаясь с мнением Абрамович о времени первого выхода поэта из дома, также заметим: если бы он вышел «ровно в 1 ч[ас]», как записал поначалу Жуковский, сосед вряд ли мог думать, что тот направился в кондитерскую за утренним чаем. Другое дело, если они встретились до полудня.

Позднее, когда Жуковский излагал хронику событий в письме к отцу поэта, он уже знал об утренних передвижениях Пушкина, но не стал вносить изменения в свои ранние КЗ, не предполагая, что тем самым введет в заблуждение исследователей, которые будут пытаться реконструировать события на основе его записей. В письме же к С. Л. Пушкину он сообщил, что поэт вышел из дома не «ровно в 1 час», а «утром», причем «рано»: «Утром 27-го числа Пушкин, еще не имея секунданта, вышел рано со двора. Встретясь на улице с своим лицейским товарищем полковником Данзасом, он посадил его с собою в сани и, не рассказывая ничего, повез к д'Аршиаку, секунданту своего противника. Там, прочитав перед Данзасом собственноручную копию с того письма, которое им было написано к министру Геккерну и которое произвело вызов от молодого Геккерна, он оставил Данзаса для условий с д'Аршиаком, а сам возвратился к себе и дожидался спокойно развязки»[52].

Сходно события того утра представлены в изложении Данзаса, который утверждал, что увиделся с Пушкиным на Пантелеймоновской улице, и поэт сказал ему: «Данзас, я ехал к тебе». Эта невольная оговорка подтверждает наше предположение об их предварительной договоренности о встрече в тот день. В противном случае Данзас мог не оказаться на Пантелеймоновской улице в то время, когда там появился Пушкин, посадил приятеля в сани и повез во французское посольство со словами: «...где ты будешь свидетелем одного разговора»[53].

Таким образом, следует полагать, что если Н. Ф. Лубяновский действительно встретил Пушкина, идущего в сторону кондитерской, то поэта интересовал не утренний чай, а возможность нанять извозчика на углу Невского проспекта, чтобы съездить за секундантом и «до полудня» отвезти его во французское посольство. Нельзя исключить и другой вариант развития событий, при котором Пушкин и Данзас еще накануне договорились о встрече прямо в кондитерской Вольфа, чтобы оттуда последовать к назначенному месту поединка. Кондитерская была удобна тем, что на противоположной стороне Невского проспекта находился магазин А. Куракина, где Пушкин собирался купить пистолеты. Когда же д'Аршиак нарушил этот план, они могли встретиться там же, чтобы нанять сани и отправиться во французское посольство.

Согласно записи А. Н. Аммосова, Данзас высказал предположение, что перед их встречей Пушкин мог заехать к Климентию Россету, но не застал его дома — на Пантелеймоновской улице. Такой расклад событий усиливал формируемое друзьями мнение о случайной вовлеченности Данзаса в дуэльную историю. Но сведениями о том, жил ли К. Россет в это время на Пантелеймоновской, мы не располагаем. Известно, что осенью 1836 г. он, его братья Аркадий и Осип и их приятель Н. А. Скалон снимали квартиру в доме Занфтлебена на пересечении Итальянской и Караванной улиц (современный адрес: Итальянская, д. 29). Туда был доставлен экземпляр ноябрьского анонимного пасквиля[54]. В 1837 г. у Аркадия Россета был новый адрес: Большая Миллионная, д. 13[55].

Если Климентий проживал с ним по-прежнему, то их квартира оказывалась через два дома от французского посольства (по той же улице, д. 7) и совсем недалеко от квартиры Пушкина.

Важно иметь в виду тот факт, что в ноябре 1836 г. К. Россет отказался быть секундантом Пушкина, заявив, что не готов примирять противников, поскольку недолюбливал д'Антеса, и выдвинул еще одну вескую причину: недостаточное владение французским, «чтобы вести переписку, которая в этом случае должна быть ведена крайне осмотрительно»[56]. Тогда он согласился быть секундантом только «на самом месте поединка, когда уже всё будет условлено»[57]. Но 27 января секундант был нужен Пушкину как раз для переговоров и составления условий дуэли, которые были написаны по-французски.

Версия П. Е. Щеголева, С. Витале и Р. Г. Скрынникова, согласно которой Пушкин с утра послал Данзаса за пистолетами и лишь затем они поехали во французское посольство, противоречит свидетельству Данзаса о том, что только при встрече секундантов «оружием поединка были выбраны пистолеты» («выбраны», т.е. вопрос обсуждался). Купить дуэльное оружие заранее можно было лишь зная характеристики пистолетов противника (их тип и калибр должны быть сходны по размерам и ударной силе, дабы ни одна сторона не имела преимущества над другой), а Данзас утверждал, что пистолеты, из которых стрелял Пушкин, «были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака»[58]. Нельзя исключать, что дуэлянты могли бы решить драться на шпагах, как это случилось на поединке между Михаилом Лермонтовым и Эрнестом де Барантом.

В этой связи кажется маловероятным развитие событий, при котором Данзас при встрече в посольстве «предъявил д'Аршиаку оружие, выбранное Пушкиным, чтобы виконт смог приобрести идентичное»[59]. Такую точку зрения высказал В. М. Файбисович, не исключая и другую возможность: д'Аршиак мог сообщить Пушкину калибр своих пистолетов либо передать ему в качестве меры калибра пулю, по которой продавцу легче было бы подобрать поэту идентичное оружие[60]. Однако извлечь подобные выводы из рассказа Данзаса не представляется возможным. Напротив, бывший секундант Пушкина вспоминал, что сам получил пистолеты в оружейном магазине и доставил их в кондитерскую Вольфа.

Таким образом, из посольства Пушкин мог направиться прямо на Невский проспект в «Магазин военных вещей» А. Куракина либо предварительно зайти домой, возможно, за деньгами. В этом случае, если время в заметке Жуковского не перепутано, Пушкин действительно мог выйти из дома уже после посещения посольства — «ровно в час» дня, но не в последний раз перед поединком, а собираясь выбрать и оплатить пистолеты. Не исключено, что перед тем выходом из дома Пушкин, как указано в КЗ, вымылся и переоделся, но, возможно, последовательность событий отражена в заметках неточно, и переодевание все-таки состоялось накануне последнего выхода — около трех часов дня.

Оплатив пистолеты, Пушкин, чтобы не вызывать подозрений у домашних, оставил их у продавца и возвратился к себе. Ожидая Данзаса, он мог попросить подать полдник (в заметках Жуковского обозначен обед, якобы поданный в одиннадцать часов[61], когда Пушкин принимал Ф. Ф. Цветаева, а затем возил Данзаса к д'Аршиаку). Если допустить, что в КЗ перепутано не имя посетителя, о чем говорилось выше, а время, когда Пушкин встретил его «радостно», то с большой долей вероятности можно полагать, что, полдничая, из окна столовой поэт увидел Данзаса, идущего или приехавшего к нему (окна кабинета выходят во двор).

Пока накрывали к обеду стол, Пушкин мог, коротая время, заглянуть в книгу А. О. Ишимовой «История России в рассказах для детей» и «поневоле» зачитаться[62], как написал он в письме, отправленном писательнице с посыльным. В начале дня у него вряд ли нашлось время «зачитываться» историческим сочинением, а после, когда были улажены все вопросы, касающиеся предстоящего поединка, он мог не только полистать книгу, но и отыскать для Ишимовой подходящий комплимент.

Пушкинское замечание по поводу исторического труда писательницы «вот, как надобно писать!» принято трактовать исключительно в оценочном плане. Однако эти слова более походили на знак любезности, комплимент, отсылая к недавно опубликованному отзыву барона Е. Ф. Розена на «Историю Пугачевского бунта». В феврале 1835 г., восхищаясь новым сочинением Пушкина, восторженный рецензент писал: «Какая полнота, какое богатство слога при такой простоте и сжатости! Вот, как надобно писать Историю! Всякая строка огненная черта, из которой воображение читателя себе рисует великие картины»[63]. Цитируя слова Розена применительно к тексту писательницы, Пушкин переадресовал ей похвалу своего рецензента, заявляя, что историю следует писать не так, как написал он, рассказывая о пугачевском бунте, а так, как это делает Ишимова. Ему хотелось убедить писательницу взяться за перо и выполнить переводы английских пьес для его журнала. Подбадривая ее, он писал: «Переведите их, как умеете, — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше»[64].

Ишимова жила на Фурштадтской улице в доме Эльтикова (№ 53) и, как помним, получила пакет от Пушкина в третьем часу пополудни[65]. Следовательно, поэт направил к ней посыльного около двух часов дня (путь от дома на Мойке до Фурштадтской мог занять около получаса). Узнав об этом, Жуковский в письме к С. Л. Пушкину заметил, что письмо Ишимовой Пушкин написал «за час перед тем, как ему ехать стреляться»[66]. На момент составления письма к отцу поэта Жуковский понимал, что Пушкин отправился «стреляться» не «ровно в 1 ч[ас]», как это значится в его конспективных заметках, а около трех пополудни. В противном случае Жуковскому следовало бы допустить, что письмо написано около полудня (за час до часа дня).

Понимая, что временны́е рамки, зафиксированные в конспективных заметках, не всегда соответствуют действительной хронике событий, в письме к отцу

поэта Жуковский не стал уточнять время встречи Пушкина с Данзасом перед поединком, а сообщил следующее: «По условию Пушкин должен был встретиться в положенный час со своим секундантом, кажется, в кондитерской лавке Вольфа, дабы оттуда ехать на место; он пришел туда в <*пробел*> часов»[67]. Слова «в положенный час» и пробел при указании времени встречи перешли из черновика в беловик письма. Хотя беловой автограф не сохранился, имеющиеся списки с него, в частности список, обнаруженный нами в архиве Дениса Давыдова[68], содержат те же слова и тот же пробел — признак того, что Жуковский не доверял источникам, которыми располагал на момент составления письма.

Итак, Данзас появился у Пушкина не «около двенадцати часов», как полагал П. Е. Щеголев, и не около часа дня, что следует из ошибочной записи Жуковского, а вскоре после подписания секундантами условий дуэли, т.е. ближе к трем часам. Довольно скоро (в заметках Жуковского сказано: «через несколько минут») Данзас отправился за пистолетами. Затем «около 4-х часов дня»[69] они вновь встретились с Пушкиным в кондитерской Вольфа. До начала этой встречи Пушкин располагал примерно часом времени, чтобы «по отъезде Данзаса» отправить пакет Ишимовой, вымыться, переодеться, выйти на улицу, вернуться, чтобы сменить бекешь на шубу, и отправиться «пешком до извозчика»[70].

В пятом часу пополудни[71] (по указанию д'Аршиака, около половины пятого[72]) противники прибыли на место. Вскоре прогремел роковой выстрел. На другой день А. И. Тургенев сообщал в письме неизвестному адресату: «2 часа с ½. Вот 22 часа ране[нию]» Пушкина[73].

Среди разноречивых свидетельств о событиях 27 января следует выделить наиболее достоверные и точные, в которых содержится прямое указание на время, когда эти события происходили. К таковым относятся пометы о времени на записках д'Аршиака и Пушкина, замечание д'Аршиака о том, что он будет ждать Пушкина и его секунданта «до полудня», время, проставленное д'Аршиаком при окончании разработки условий поединка: «2 ½ часа пополудни». Эти точные хронологические указания не могут быть произвольно передвинуты, поскольку нет оснований полагать, что в документах они обозначены преднамеренно неверно.

Вторая группа свидетельств содержит указания на время, приведенное очевидцами по памяти. Это данные из КЗ Жуковского (в 8 утра «встал весело», писал «часу до одиннадцатого», вышел из дома «ровно в 1 ч[ас]»), воспоминание Ф. Ф. Цветаева о посещении им Пушкина «в 12-м часу утра», сообщение А. О. Ишимовой о получении пакета от поэта «в начале третьего часа», слова Данзаса о встрече у Вольфа «около 4 часов», свидетельство д'Аршиака о том, что на место поединка противники прибыли в половине пятого.

Жуковский записывал время и события с чужих слов, не имея возможности их проверить. Ишимова и д'Аршиак рассказывали обо всем вскоре после того, как события свершились. Данзас вспоминал ход событий четверть века спустя, причем его рассказ прошел литературную обработку и был опубликован поэтом А. Н. Аммосовым. Впрочем, схожесть его позднего рассказа с тем, что зафиксировано в материалах Военно-судной комиссии, свидетельствует о том, что, скорее всего, он располагал копией своих показаний. Установить, когда о своем приходе к Пушкину рассказывал Ф. Ф. Цветаев, не представляется возможным, но, публикуя записанное с его слов сообщение библиографа И. П. Быстрова, Н. Г. Розенблюм заметил, что к данному свидетельству следует относиться «с доверием», поскольку исключительная память снискала этому мемуаристу прозвание «живой каталог»[74].

Анализ имеющихся источников позволяет по-новому интерпретировать известные свидетельства и установить неточность, а иногда и ошибочность существующих реконструкций дня дуэли Пушкина. В частности, сопоставление свидетельств очевидцев дает возможность прийти к выводу, что накануне поединка он не менее двух раз выходил из дома. Это важное наблюдение снимает вопрос о том, чем мог быть занят поэт в промежутке между часом дня, когда, согласно раннему свидетельству Жуковского, он мог выйти из дома, и четырьмя часами, когда он встретился с Данзасом в кондитерской Вольфа.

Предложенная хроника событий основана на данных тех источников, которые содержат точные хронологические указания, и отражает продуманность и логичность действий Пушкина в день поединка.

Хроника событий 27 января 1837 г. накануне поединка Пушкина с д'Антесом

Время	Событие	Источник
8 часов утра	Пушкин «встал весело»	*Жуковский: КЗ*
После 8 утра	У Пушкина утренний чай	*Жуковский: КЗ*
С 8 до 10 утра	Пушкин «много писал часу до 11-го»	*Жуковский: КЗ*
Начало 10-го часа	Пушкин получил записку от д'Аршиака	*д'Аршиак: помета 1*
Между 9 ½ и 10 утра	Д'Аршиак получил ответ Пушкина на свою записку	*д'Аршиак: помета 2*
Начало 11-го часа*	Пушкин получил вторую записку д'Аршиака	*д'Аршиак: записка*
До 11 часов*	Пушкин копирует свое письмо барону Геккерну*	*Данзас*
Около 11 — в начале 12-го часа	Ф. Ф. Цветаев посетил Пушкина	*Быстров*
Ближе к полудню*	Пушкин «вышел рано со двора»	*Жуковский: письмо*
Ближе к полудню* («утром»)	Встреча Пушкина с Н. Ф. Лубяновским в воротах дома	*Лубяновский*
Около полудня*	Пушкин нанял сани на углу Невского проспекта*	*Данзас*
Около полудня — в начале 1-го часа дня*	Встреча Пушкина с Данзасом на Пантелеймоновской улице либо в кондитерской Вольфа*	*Данзас; Военно-судное дело. С. 59*

В начале 1-го часа*	Приезд Пушкина и Данзаса во французское посольство, где состоялось объяснение и было назначено оружие	*Данзас*
Около 1 часа*	Секунданты остались у д'Аршиака для составления условий поединка	*Данзас*
Около 1 часа*	Пушкин отправился в «Магазин военных вещей» А. Куракина выбрать пистолеты* (предположительно перед тем мог зайти домой*)	*Данзас; Жуковский: КЗ*
Около половины 2-го часа*	Возвращение Пушкина домой из магазина А. Куракина* и ожидание Данзаса	*Данзас; Жуковский: КЗ*
До 2 часов*	Пушкин читает книгу А. О. Ишимовой* и пишет ей письмо	*Жуковский: письмо*
Около 2 часов	Посыльный от Пушкина отправлен к А. О. Ишимовой	*Ишимова*
Начало 3-го часа	Пакет от Пушкина доставлен А. О. Ишимовой	*Ишимова*
Начало 3-го часа*	У Пушкина полдник* или «обед»	*Жуковский: КЗ*
В половине 3-го часа	Секунданты подписали условия поединка	*Условия*
Около 2 ¾ часа*	Пушкин видит Данзаса из окна столовой	*Жуковский: КЗ*
Около 2 ¾ часа*	Приход к Пушкину Данзаса	*Данзас*
Около 3 часов*	«Через несколько минут» Данзас ушел: в магазин А. Куракина за пистолетами и нанять сани	*Жуковский: КЗ; Жуковский: письмо; Военно-судное дело. С. 100*
Начало 4-го часа*	Пушкин «вымылся весь, надел всё чистое»	*Жуковский: КЗ*
Около половины 4-го часа*	Пушкин вышел из дома и пошел пешком до кондитерской Вольфа	*Жуковский: КЗ*
Около 4 часов	Пушкин и Данзас выехали из кондитерской Вольфа	*Данзас*
Около 4 ½ часа или в пятом часу	Противники прибыли на место поединка	*д'Аршиак: письмо; Военно-судное дело. С. 28*
Около 4 ½ часа	Выстрел д'Антеса	*Тургенев*

Примечание: Звездочкой (*) помечены время и события, устанавливаемые автором.

Список сокращений:

д'Аршиак: записка — Д'Аршиак О. Записка А. С. Пушкину, 27 января 1837 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 16: Переписка. 1835–1837. 1949. С. 226.

д'Аршиак: письмо — Д'Аршиак О. Письмо князю П. А. Вяземскому, 1 февраля 1837 г. // Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900. С. 53.

д'Аршиак: помета 1 — Д'Аршиак О. Записка Пушкину, 9 ч. утра, 27 января 1837 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 225.

д'Аршиак: помета 2 — Пушкин А. С. Записка О. д'Аршиаку, между 9 ч. 30 м. и 10 ч. утра, 27 января 1837 г. // Там же. С. 225.

Быстров — Быстров И. П. Письмо С. Д. Полторацкому, 24 февраля 1848 г. // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 138 (Литературное наследство. Т. 58).

Военно-судное дело — Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г.

Данзас — Данзас К. К. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 400–403.

Жуковский: КЗ — Жуковский В. А. Конспективные заметки о гибели Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 422.

Жуковский: письмо — Жуковский В. А. Письмо С. Л. Пушкину, 15 февраля 1837 г. // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 425.

Ишимова — Сочинения Александра Пушкина. Т. VIII. СПб., 1838. С. 309–310. Примечание к разделу: «Письма к А. О. Ишимовой».

Лубяновский — [*Бартенев П. И.*] Еще о последних днях жизни и кончине Пушкина. По поводу писем А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой // Русский архив. 1908. Т. III. С. 291.

Тургенев — Тургенев А. И. Письмо неизвестному, <28 января 1837 г.> // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 208.

Условия — Условия дуэли Пушкина и барона Геккерна-д'Антеса // Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. С. 291.

---

1 *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 134.

2 *Левкович Я. Л.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 77.

3 Фамилия д'Антес приводится согласно французской языковой норме, за исключением цитируемых документов, где имеются случаи неверного написания: Дантес.

4 *Левкович Я. Л.* Дуэль и смерть Пушкина в конспективных заметках Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 472.

5 *Тургенев А. И.* Письмо А. И. Нефедьевой, 28 января 1837 г. // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 204; *Вяземский П. А.* Письмо Д. В. Давыдову (в публикации ошибка в имени адресата: А. Я. Булгаков), 5 февраля <1837 г.> // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 6. С. 243–247; *Вяземский П. А.* Письмо к великому князю Михаилу Павловичу, 12 (?) — 14 февраля 1837 г. // Исторический вестник. 1905. Т. XCIX. С. 182.

6 В материалах Военно-судной комиссии сохранились письмо Данзаса о поединке, адресованное кн. П. А. Вяземскому, показания и рапорт Данзаса, содержащие сведения о дне поединка. См.: Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900. С. 58–59, 61–63, 78–79 и др.

7 *Виконт д'Аршиак О.* Письмо князю П. А. Вяземскому, 1 февраля 1837 г. // Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. С. 52–53 (по-французски); 57–58 (перевод).

8 Слова, заключенные в угловые скобки, в документе зачеркнуты.

9 *Жуковский В. А.* Конспективные заметки о гибели Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 422.

10 *Жуковский В. А.* Письмо С. Л. Пушкину, <15 февраля 1837 г.>. С. 422–423.

11 *Данзас К. К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 400.

12 *Данзас К. К.* Письмо князю П. А. Вяземскому, 6 февраля 1837 г. // Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. С. 99.

13 *Тургенев А. И.* Письмо А. И. Нефедьевой, 28 января 1837 г. // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 204; *Жуковский В. А.* Письмо к С. Л. Пушкину, <15 февраля 1837 г.> // Там же. С. 425.

14 При рассмотрении дела Военно-судной комиссией переписка Пушкина с д'Аршиаком от 27 января послужила доказательством того, что Данзас ничего не знал о предстоящем поединке до встречи в тот день с Пушкиным. См.: Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. С. 150–151.

15 На это же время указывал в показаниях военному суду секундант д'Антеса виконт д'Аршиак. См.: Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное Военно-судное дело 1837 г. С. 52–53 (по-французски); 57–58 (перевод).

[16] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 137.
[17] Там же. С. 134.
[18] Там же.
[19] *Витале С.* Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Калининград, 1995. С. 295; *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 271–272.
[20] *Абрамович С. Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина: Январь 1836 — январь 1837. СПб., 1994. С. 206; Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. IV (1833–1837). С. 589.
[21] *Абрамович С. Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина: Январь 1836 — январь 1837. С. 206.
[22] [*Бартенев П. И.*] Еще о последних днях жизни и кончине Пушкина. По поводу писем А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой // Русский архив. 1908. Т. III. С. 291.
[23] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 138.
[24] *Витале С.* Пуговица Пушкина. С. 295–299.
[25] *Тургенев А. И.* Письмо А. И. Нефедьевой, 28 января 1837 г. С. 204.
[26] *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. С. 272–274.
[27] *Данзас К. К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова. С. 400.
[28] *Быстров И. П.* Письмо С. Д. Полторацкому, 24 февраля 1848 г. См.: *Розенблюм Н. Г.* Комментарий к документу: Неверов Я. М. Письмо С. П. Шевыреву, 28 января <1837 г.> // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 138 (Литературное наследство. Т. 58).
[29] *Левкович Я. Л.* 1) Комментарий к статье: *Данзас К. К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. С. 608; 2) Комментарий к книге: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 490.
[30] *Жуковский В. А.* Письмо С. Л. Пушкину, <15 февраля 1837 г.>. С. 425.
[31] См.: Сочинения Александра Пушкина. Т. VIII. СПб., 1838. С. 309–310. Примечание к разделу: «Письма к А. О. Ишимовой».
[32] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 136.
[33] *Пушкин А. С.* Письмо А. О. Ишимовой, 25 января 1837 // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 16: Переписка. 1835–1837. 1949. С. 219.
[34] *Данзас К. К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова. С. 402.
[35] Там же. С. 410 (примечание).
[36] Там же. С. 402.
[37] *Д'Аршиак О.* Записка А. С. Пушкину, 27 января 1837 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 225 (по-французски), 409 (перевод).
[38] *Пушкин А. С.* Записка О. д'Аршиаку, между 9 ч. 30 м. и 10 ч. утра 27 января 1837 г. // Там же. С. 225.
[39] Там же.
[40] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 137.
[41] *Д'Аршиак О., виконт.* Записка А. С. Пушкину, 27 января / 8 февраля 1837 // РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 2. Д. 108.
[42] *Пушкин А. С.* Записка О. д'Аршиаку, между 9 ч. 30 м. и 10 ч. утра 27 января 1837 г. С. 225 (по-французски), 410 (перевод).
[43] *Абрамович С. Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 206.
[44] *Абрамович С. Л.* Пушкин. Последний год. Хроника: Январь 1836 — январь 1837. С. 558.
[45] Подробнее см.: *Седова Г. М.* 1) Свидетель последней дуэли // Родина. 1999. № 5. С. 56–59; 2) Виконт Оливье д'Аршиак и его роль в последней дуэли А. С. Пушкина // Пушкин в XXI веке. Сборник в честь В. С. Непомнящего. М., 2006. С. 213–238; 3) Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2012. С. 616–618.
[46] *Абрамович С. Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина. С. 207.
[47] *Пушкин А. С.* Записка О. д'Аршиаку, между 9 ч. 30 м. и 10 ч. утра 27 января 1837 г. С. 226 (по-французски), 410 (перевод).
[48] См.: *Быстров И. П.* Письмо С. Д. Полторацкому, 24 февраля 1848 г. С. 138.

[49] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 291.
[50] П. Е. Щеголев опубликовал документ, извлеченный из архива барона Геккерна-д'Антеса. В отличие от копии, принадлежавшей К. К. Данзасу, в экземпляре д'Аршиака вначале проставлено имя барона Жоржа Геккерна, затем Пушкина (в документе Данзаса наоборот: первым написано имя Пушкина, затем его противника). Свой экземпляр д'Аршиак подписал первым, а копию Данзаса — вторым. *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. С. 291.
[51] [*Бартенев П. И.*] Еще о последних днях жизни и кончине Пушкина. По поводу писем А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой. С. 291.
[52] *Жуковский В. А.* Письмо С. Л. Пушкину <15 февраля 1837 г.>. С. 425.
[53] *Данзас К. К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова. С. 401.
[54] *Россет А. О., Россет К. О.* Из рассказов про Пушкина, записанных П. И. Бартеневым // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 349.
[55] *Нистрем К.* Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год, изданная с разрешения и одобрения С.-Петербургского военного генерал-губернатора. СПб., 1837. С. 1066.
[56] *Россет А. О., Россет К. О.* Из рассказов про Пушкина, записанных П. И. Бартеневым. С. 348.
[57] Там же.
[58] *Данзас К. К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова. С. 402.
[59] *Файбисович В. М.* Этикетка нуждается в обновлении // Наше наследие. 2014. № 109. С. 87.
[60] Там же. С. 88.
[61] Известно, что у Пушкиных обедали по-столичному поздно: в седьмом, восьмом и даже девятом часу вечера. Однажды поэт сделал исключение для кавалерист-девицы Н. А. Дуровой, назначив обед в ее честь в пять часов вечера. См.: *Александров* (*Дурова Н. А.*) Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения // [Дурова Н. А.] Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. С. 409.
[62] *Пушкин А. С.* Письмо А. О. Ишимовой, 27 января 1837 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 227.
[63] *Розен Е. Ф.* История Пугачевского бунта, соч<инение> А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. СПб., 2008. С. 81. Впервые опубликовано: Северная пчела. 1835. № 38, 18 февраля. С. 152.
[64] *Пушкин А. С.* Письмо А. О. Ишимовой, 27 января 1837 г. С. 227.
[65] См.: Сочинения Александра Пушкина. Т. VIII. СПб., 1838. С. 309–310. Примечание к разделу: «Письма к А. О. Ишимовой».
[66] *Жуковский В. А.* Письмо С. Л. Пушкину, <15 февраля 1837 г.>. С. 425.
[67] Там же.
[68] *Седова Г. М.* Новый список письма В. А. Жуковского о смерти Пушкина из архива Дениса Давыдова // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2005. Вып. 30. С. 23. Тот же пробел имеется в парижской копии письма из архива коллекционера А. Я. Полонского. См.: *Иезуитова Р. В.* «Прости, мой бедный Сергей Львович...»: К письму В. А. Жуковского о смерти Пушкина // Наше наследие. 1990. № 4 (16). С. 40–43.
[69] *Данзас К. К.* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова. С. 402.
[70] *Жуковский В. А.* Письмо С. Л. Пушкину, <15 февраля 1837 г.>. С. 425.
[71] *Данзас К. К.* [Показания] // Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. С. 28.
[72] *Виконт О. д'Аршиак.* Письмо князю П. А. Вяземскому, 1 февраля 1837 г. // Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. С. 53.
[73] *Тургенев А. И.* Письмо неизвестному, <28 января 1837 г.> // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 208 (в публикации дана ошибочная датировка: 29 января).
[74] *Быстров И. П.* Письмо С. Д. Полторацкому, 24 февраля 1848 г. С. 138.

References

ABRAMOVICH S. L. *Predistoriya poslednei duely Pushkina: janvar 1836 — janvar 1837* [The history of the last duel of Pushkin: January 1836 — January 1837. In Russ.]. St Petersburg, 1994.

ABRAMOVICH S. L. *Pushkin. Poslednii god. Hronika: janvar 1836 — janvar 1837* [Pushkin. Last year. The Chronicle: January 1836 — January 1837. In Russ.]. Moscow, 1991.

[BARTENEV P. I.] *Eshe o poslednih dniah jizni i kontshine Pushkina. Po povodu pisem A. I. Turgeneva k A. I. Nefedievoi* [More about the last days of life and the death of Pushkin. In occasion of A. I. Turgenev's letters to A. I. Nefedieva. In Russ.] // Russian archive. 1908. Vol. III. P. 291.

BYSTROV I. P. *Pismo S. D. Poltoratskomu, 24 fevralya 1848 g.* [Letter to S. D. Poltoratsky, February 24, 1848. In Russ.] See: *Rosenblum N. G.* Commentary on the letter: Neverov Ya. M. Letter to S. P. Shevyrev, January 28, 1837 // Pushkin. Lermontov. Gogol. M., 1952. S. 138 (Literary heritage. Vol. 58).

VITALE S. *Pugovitsa Pushkina* [Button of Pushkin. In Russ.]. Kaliningrad, 1995 (transl. from English).

DANZAS K. K. *Poslednie dny jizni i kontshina Alexandra Sergeevitsha Pushkina v zapisy A.* [*N.*] *Ammosova* [The last days of the life and death of Alexander Sergeevich Pushkin in the recording of A. [N.] Ammosov. In Russ.] // Pushkin in the memoirs of his contemporaries: In 2 vols. St Petersburg, 1998. Vol. 2. P. 395–410.

Duel Pushkina s Dantesom-Gekkerenom. Podlinnoe voenno-sudnoe delo 1837 g. [Duel of Pushkin with Dantes-Heeckeren. The Genuine Military-Military Case of 1837. In Russ.]. St Petersburg, 1900.

ZHUKOVSKY V. A. *Konspektivnye zametky o gibely Pushkina* [A note on the death of Pushkin. In Russ.] // Pushkin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols. St Petersburg, 1998. Vol. 2. P. 422.

ZHUKOVSKY V. A. *Pismo k S. L. Pushkinu, <15 fevralya 1837 g.>* [Letter to S. L. Pushkin, <February 15, 1837>. In Russ.] // Pushkin in the memoirs of his contemporaries: In 2 vols. St. Petersburg, 1998. Vol. 2. P. 423–436.

LEVKOVICH YA. L. *Duel i smert Pushkina v konspektivnyh zametkah Jukovskogo* [Duel and Pushkin's death in Zhukovsky's concise notes. In Russ.] // Zhukovsky and Russian culture. Leningrad, 1987. P. 455–476.

Letopis jizni i tvortchestva Alexandra Pushkina [Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin. In Russ.]: In 4 vols. Vol. IV (1833–1837). Moscow, 1999.

ROSSET A. O., ROSSET K. O. *Iz rasskazov pro Pushkina, zapisannih P. I. Bartrnevim* [From Pushkin's stories written by P. I. Bartenev. In Russ.] // Pushkin in the memoirs of his contemporaries: In 2 vols. St Petersburg, 1998. Vol. 2. P. 346–350.

SEDOVA G. M. *Vikont Olivie d'Archiak i ego rol v poslednei duely A. S. Pushkina* [Viscount Olivier d'Archiak and his role in the last duel of Alexander Pushkin. In Russ.] // Pushkin in the 21st century. Collection in honor of V. S. Nepomnyashchiy. Moscow, 2006. P. 213–238.

SEDOVA G. M. *Emu bilo za chto umirat u Tshternoi retshky* [He was for what to die near the Black River. In Russ.]. St Petersburg, 2012.

SEDOVA G. M. *Svidetel poslednei dueli* [Witness of the last duel. In Russ.] // Rodina. 1999. N 5. P. 56–59.

SKRYNNIKOV R. G. *Duel Pushkina* [Duel of Pushkin. In Russ.]. St Petersburg, 1999.

FAYBISOVICH V. M. *Etiketka nujdaetsya v obnovlenyi* [Label needs to be updated. In Russ.] // Our heritage. 2014. N 109. P. 86–95.

SCHEGOLEV P. E. *Duel i smert Pushkina* [Duel and the death of Pushkin. In Russ.]. St Petersburg, 1999.

Список литературы

Абрамович С. Л. Предыстория последней дуэли Пушкина: Январь 1836 — январь 1837. СПб., 1994.

Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. Хроника: Январь 1836 — январь 1837. М., 1991.

[*Бартенев П. И.*] Еще о последних днях жизни и кончине Пушкина. По поводу писем А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой // Русский архив. 1908. Т. III. С. 291.

Быстров И. П. Письмо С. Д. Полторацкому, 24 февраля 1848 г. См.: *Розенблюм Н. Г.* Комментарий к письму: Неверов Я. М. Письмо С. П. Шевыреву, 28 января <1837 г.> // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952. С. 138 (Литературное наследство. Т. 58). С. 138.

Витале С. Пуговица Пушкина. Калининград, 1995 (пер. с англ.).

Данзас К. К. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. [Н.] Аммосова // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 395–410.

Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900.

Жуковский В. А. Конспективные заметки о гибели Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 422.

Жуковский В. А. Письмо к С. Л. Пушкину, <15 февраля 1837 г.> // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 423–436.

Левкович Я. Л. Дуэль и смерть Пушкина в конспективных заметках Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 455–476.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 4 (1833–1837). М., 1999.

Россет А. О., Россет К. О. Из рассказов про Пушкина, записанных П. И. Бартеневым // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 346–350.

Седова Г. М. Виконт Оливье д'Аршиак и его роль в последней дуэли А. С. Пушкина // Пушкин в XXI веке. Сборник в честь В. С. Непомнящего. М., 2006. С. 213–238.

Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2012.

Седова Г. М. Свидетель последней дуэли // Родина. 1999. № 5. С. 56–59.

Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999.

Файбисович В. М. Этикетка нуждается в обновлении // Наше наследие. 2014. № 109. С. 86–95.

Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб, 1999.

Г. М. Седова. Последний день жизни Пушкина в свидетельствах современников

В статье критически проанализированы реконструкции хроники последнего дня жизни А. С. Пушкина, предложенные в исследованиях П. Е. Щеголева, С. Л. Абрамович, С. Витале, Р. Г. Скрынникова. Сопоставление используемых в литературе источников позволяет прийти к принципиально важному выводу о непреднамеренном искажении событий последнего дня жизни Пушкина в конспективных заметках В. А. Жуковского, которые принято рассматривать как документ первостепенной важности. Обращено внимание на неучтенные в трудах историков сведения источников, меняющие последовательность событий дня дуэли. Автор предлагает собственную реконструкцию, в основу которой положены данные источников, содержащие точные хронологические указания.

Ключевые слова: Пушкин, дуэль, воспоминания современников.

G. M. Sedova. The last day of Pushkin's life in the testimonies of his contemporaries

The author critically analyzed the reconstruction of A. S. Pushkin's last day, proposed in the studies of P. E. Schegolev, S. L. Abramovitch, S. Vitale, and R. G. Skrynnikov. A comparison of the sources used in the literature makes it possible to arrive at a fundamentally important conclusion about the unintentional distortion of the events of the last day of Pushkin's life in V. A. Zhukovsky's concise notes, which are generally considered to be of paramount importance. Attention is drawn to the sources of information that have not been taken into account in the writings of historians, which change the sequence of events of the day of the duel. The author offers his own reconstruction, based on data from sources containing precise chronological instructions.

Key words: Pushkin, duel, memoirs of contemporaries.

Седова, Галина Михайловна — д. ф. н., заведующая Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

Sedova, Galina Mikhailovna — Dr. of Sciences (Philology), Head of the Pushkin Memorial Museum-Apartment in St Petersburg.

e-mail: sedova@museumpushkin.ru